

Евтушенко С.В.

доктор философских наук, кандидат
искусствоведения, профессор,
Харьковский национальный университет
искусств им. И.П. Котляревского

ЧАСТНЫЙ “ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ” АСПЕКТ РУССКО-УКРАИНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ (ГАВРИИЛ ПЕТРОВИЧ ХРАПОВИЦКИЙ)

Продолжение (Начало см. в № 8 и № 9
“Вісника Харківської державної академії
дизайну і мистецтв” за 2012 г.)

Аннотация. Попытка широкой реконструкции фамильно-бытовых связей представителей некогда влиятельного семейства Апостолов как перспективная источниковедческая составляющая комплексного атрибуционного исследования малоизученных художественных раритетов, появление которых было инициировано Апостолами.

Ключевые слова: атрибуция, генеалогия, источниковедение.

Анотація. Євтушенко С. В. Приватний “генеалогічний” аспект російсько-українських художніх зв’язків (Гаврило Петрович Храповицький). Спроба широкої реконструкції родинно- побутових зв’язків представників колись впливового сімейства Апостолів як перспективна джерелознавча складова комплексного атрибуційного дослідження маловивчених художніх раритетів, появу яких було ініційовано Апостолами.

Ключові слова: атрибуція, генеалогія, джерелознавство.

Annotation. Yevtushenko S. V. Concrete “genealogic” aspect of the Russo-Ukrainian art relations (Gabriel Peter Khrapovickiy). This is an attempt of wide reconstruction of familiar-daily relations of the representatives of Apostol’s family which was so influential at one time. This reconstruction is understood as a perspective component of scientific-historical sources-study in the complex attribution of not enough investigated art rarities, occurrence of which was initiated by the Apostols.

Keywords: attribution, genealogy, sources-study.

Надійшла до редакції 02.12.2012

Представленное ниже, избыливающее генеалогическими подробностями и деталями, не выглядящими как нечто самодостаточно ценное, – тем не менее, подразумевает реальную познавательную “прагму”. Восстанавливать конкретные повороты творческого пути малоизученного мастера (зачастую, и не второстепенного) остается подчас по специфике и динамике его реального окружения, фиксируемой генеалогическим фактажем, прочерчивающим и “маркирующим” искомый путь, делая его уловимым для изучения (этот принцип, по сути, аналогичен применяемому и в жевневском коллаидере также). Ибо, например, зная, в окружении каких современников выстраивалась жизнь замечательного русского живописца Ивана Никитина, можно надеяться на раскрытие психологической мотивации его творчества, программности созданных им портретных шедевров. А, поскольку последние, к тому же, зачастую и по сегодня (как загадочный “Напольный гетман”) хранят досадное инкогнито лиц, ими запечатленных, в общем случае знание подразумеваемого окружения может помочь направленному поиску среди ждущих своего атрибуционного раскрытия художественных раритетов возможных творений вполне конкретного автора. Иными словами, в ситуации явной скудости известного о творческой личности (применительно к Никитину – о самом ярком живописце Петровской эпохи) генеалогические подробности чреватые немалой полезностью.

Напомним, что центром, на который ориентируется излагаемое здесь, – подразумевается фигура никитинского приятеля Гавриила Храповицкого. Среди носителей того же родового имени Гавриилы встречаются лишь дважды: во-первых, в XVIII веке – в лице родившегося не позднее, во всяком случае, 1717 года (ибо год рождения его собственного сына – 1737-й), представляющего “младшую” (кавычки – знак условности подобной маркировки) из двух ветвей старинного рода Храповицких, тесно связанных со Смоленском, и общавшегося с Никитиным Гавриилом Петровичем Храповицким; во-вторых, в конце XIX – начале XX вв. – в лице не имевшего отношения к знаменитому русскому портретисту и родившегося в 1882-м Гавриила-Аполлинария-Альберта Храповицкого, католика по вероисповеданию, выходца из польской фамильной ветви [14, с. 607 (№ 11), 608 (№ 36), 600 (№ 86)].

В обширной публикации, частью которой является настоящая статья, до сих пор не заходила речь о том, что сближение Ивана Никитина и Гавриила Храповицкого могло быть осложнено или обусловлено, наряду с прочим, еще и непосредственно родственными или свойственными связями (между тем, часто сопутствующими сколько-нибудь продолжительному общению). Иными словами, ранее нас занимала вероятность определенной генеалогической общности “никитинского” Гавриила и Храповицких, к которым по происхождению принадлежала супруга гетманича Петра Даниловича Апостола. Однако обращение к генеалогической фактографии само по себе спровоцировало более смелое предположение – что, хотя и безусловно неблизкое, несомненно не прямое и не “бог

весть какое” (подобно “*седьмой воде на киселе*”), но, тем не менее, реальное свойство у гетманичей Апостолов и прославленного русского портретиста, – причем, и благодаря посредничеству Храповицких, – *на самом деле* (как бы ни выглядело это попыткой “сфабриковать сенсацию”) *существовало*. Кстати, едва ли не подразумевая его, некоторые “никитиноведы” поднимали вопрос, – прежде всего, из-за загадочного, упорно не идентифицируемого реального прообраза “Напольного гетмана”, – о неких скрытых, непознанных связях крупнейшего русского живописца раннего XVIII столетия с Малороссией (заметим, что вопрос следовало бы ставить о никитинских связях не лишь с Малороссией, но и с той частью восточнославянских земель и восточнославянской истории, которые напрямую причастны Речи Посполитой). Однако, так как свойство это туманно (по большей части ускользает из поля зрения и в определенном ракурсе готово выглядеть не более чем гипотетическим), – изложение формальных доказательств его наличия потребует времени и внимания.

Это кажущееся гипотетическим свойство обретает статус подлинного благодаря нескольким генеалогическим “зацепкам”. В том числе и тем *двум*, из которых первая сводится к констатации, что некто Прасковья Максимовна Вировская, падчерица родного брата И. Никитина московского архитектора Романа Никитина, бракосочеталась с Сергеем Елисеевичем Проневским, тогда как Христина, дочь одного из польских Храповицких, – в свою очередь, сделалась супругой иного Проневского. *Вторая* зацепка обусловлена тем, что И.А. Юшков, племянник жены собственно портретиста Ивана Никитина (как выяснилось впоследствии, *неверной* жены) Марии Федоровны, которую, учитывая ее изначально неправославное происхождение, документы именуют также и Маргаритой, – иными словами, сын старшей сестры *Марии-Маргариты Маменс-Никитиной* – женат был на Прасковье Федоровне Колычевой, тогда как мужем весьма вероятно (но и до настоящего момента *гипотетически*) троюродной сестры Прасковьи – Анны Андреевны Колычевой – стал родной дядя супруги Гавриила Храповицкого. Поскольку прежде эти факты не привлекали к себе внимания специалистов (генеалогов, историков, искусствоведов) и публикуются впервые, представляя собой, однако, не просто обнаружение обнаружившихся в архивных источниках фактографических сведений, не рассматривавшихся и не сопоставлявшихся ранее, но именно результат произведенного на основе последних комбинаторного анализа, – детализированной демонстрации того, как упомянутый результат был достигнут, не избежать.

Итак, неопровержимо известно, что брат портретиста Ивана Никитина женился на некоей Маремьяне Петровне, вдове к сегодняшнему дню почти забытого художника и петровского современника Максима Яковлевича Вировского, у которой от брака с Вировским осталась дочь Прасковья, ставшая после второго замужества Маремьяны падчерицей Р.Н. Никитина и родившаяся, судя по всему, между 1710–1717 гг. (архивные источники, противореча друг другу, заявляют,

с одной стороны, что жизнь Прасковьи Максимовны началась в 1710-м, а, с другой, – что в 1745 г. ей было не более 28 лет) и уже состоявшая в 1745-м (по крайней мере) в законном браке с “сержантом гренад[ерской] роты лейб-гвардии Семеновск[аго] полка Серг[еем] Елисеевичем Проневским, 32 лет”, то есть с С.Е. Проневским, родившимся не позднее 1713 года; при этом в середине 1740-х падчерица Прасковья и ее супруг проживали в собственном московском доме Романа Никитина [9, с. 193, 219]. Заметим, что, принимая во внимание личное имя мужа Прасковьи, резонно предположить в нем вероятного потомка состоявшего в декабре 1654-го “сотником Меженским и Смоленским” Сергея Проневского, который служил в 1754-м в “Белорусском (Чаусском) казачком полку” [20].

Что касается Христины Храповицкой-Проневской, дочери Антона Храповицкого (или *Дуниловича-Храповицкого*, как он предпочитал именовать себя официально), пожелавшей выйти за неведомого нам Проневского и (сообразно свидетельству генеалогов В.В. Руммеля и В.В. Голубцова) не получившей на то отцовского благословения, – по меньшей мере, с учетом, что ее самоуправное замужество состоялось при жизни им разгневанного отца своевольной невесты, умершего в 1740-м, – родиться ощутимо позднее 1720 г. Христина не могла, как категорически не могла и бракосочетаться с Проневским позднее 1740 г. [14, с. 596 (№ 23), 597, 219]. И, тем самым, Христина Храповицкая-Проневская вполне могла бы оказаться примерной ровесницей Прасковьи Вировской-Проневской... К сожалению, к данному моменту какими-либо известиями о Проневских первой половины XVIII столетия не располагаем (заметим, что среди шляхетных родов Речи Посполитой, сведения о которых были опубликованы уникальным знатоком польской дворянской генеалогии К. Несецким, Проневские, – во всяком случае, под фамильной справочной рубрикой – не упоминаются; известно, однако, что различными представителями этого рода принадлежали поместья в Ковенской и Витебской губерниях).

Особого внимания заслуживает возможная связь Максима Яковлевича Вировского (отца падчерицы Романа Никитина) со Смоленским краем: по крайней мере, он сам, его супруга, на которой после его смерти женился брат портретиста Ивана Никитина, и вышедшая за Проневского дочь Максима Яковлевича, – так же как, впрочем, и сами братья Никитины и Маменсы, с ними породнившиеся (Мария Федоровна, жена портретиста, была, напомним, урожденной Маменс), – упоминаются среди прочих “смолян” во 2-м выпуске обстоятельных “Материалов к родословию смоленского дворянства” Д.П. Шпиленко [17, с. 45, 317–322, 468]. Уже по иным мотивам, однако в неменьшей степени, интригует и то обстоятельство, что дом, принадлежавший первому супругу невестки Ивана Никитина Маремьяны Петровны, иными словами, собственный дом живописца М.Я. Вировского, обретался – в топографических реалиях 1731 года (насколько можем судить) – “*в приходе церкви Архангела Гавриила что на пруде... с садом... между улиц позади [личного подворья] бывшего князя Менишкова*”, то есть озна-

ченное домовладение Вировского размещалось, как в свое время акцентировала Н.М. Молева, “бок о бок с владениями Меншикова”, в семейном кругу которого (без малейшего преувеличения) провел свои юношеские годы сын гетмана Даниила Апостола Петр [9, с. 92]. Представляется маловероятным, чтобы Петр Данилович, причастный дому светлейшего почти столь же непосредственно, как и сам всесильный фаворит Петра I, не имел отчетливого представления о соседствовавшем с Меншиковыми живописце Вировском и его вышедшей за Романа Никитина вдове...

Общеизвестно, что некогда бытовавший в Смоленском крае “древний дворянский род Храповицких происходит от белорусской (а точнее, в Речи Посполитой „натурализовавшейся“ – С.Е.) дворянской фамилии герба Гоздава”, ибо именно от нее “отделились 2 ветви, владевшие поместьями в Смоленском воеводстве, которые после покорения Смоленска (1-я пол. 17 в.) остались в русском подданстве, приняв православие”; при этом обычно констатируется, что “родоначальник фамилии (подразумевая “старшую” смоленскую ветвь рода. – С.Е.) Андрей Яковлевич Храповицкий (ум. в 1683 г.) был московским дворянином. По грамотам царей Иоанна и Петра Алексеевичей за ним числились поместья в Смоленском и Дорогобужском уездах Смоленского воеводства. Его сын Михаил Андреевич Храповицкий (ум. в 1710 г.) являлся царским стольником. Служил в полку смоленской шляхты ротмистром. В 1684 году унаследовал поместья отца. Имел сыновей Антона и Дементия”, из коих последний и стал тестем Петра Даниловича Апостола (обоснованию чего посвящалась первая часть этой обширной публикации) [21].

Яковом, Андреем, Михаилом, Дементием персонализирована первоначальная генеалогическая история “старших смоленских” Храповицких в родословной росписи трех ответвлений фамильного клана, опубликованной в 1887 г. генеалогами В.В. Руммелем и В.В. Голубцовым. Последние не оговаривают, однако, к какому конкретно представителю “польских” Храповицких (иными словами, Храповицких, не порывавших связи с Речью Посполитой) восходят две смоленские отрасли рода. Меж тем до наших дней дошла легенда, де-факто раскрывающая не известное генеалогам-соавторам имя “польского” Храповицкого, отпрыск которого перешел на сторону русского царя. Выясняется, что эта роль более, чем иным, подходит старшему сыну того самого Христофора Храповицкого, который в течение девяти лет, предшествовавших собственной его кончине, оставался в русском плену (в котором оказался – вместе с супругой и тремя младшими сыновьями – после взятия в 1654 году русскими Витебска); столько же лет длилась в Ярославле (где находился и его отец Христофор) подневольная связь с “Московией” самого взрослого из плененных детей Христофора, после чего, в 1663 г., сей Иосиф был “выменен” и возвращен в Польшу (жизнь Христофора прервалась тогда же, в 1663-м, в Ярославле); младшие братья “репатрианты” Юрий и Доминик, оставшись в плену, так и скончались в России (уже после 1678 г.), вместе с матерью с 1654-го пребывая на поселении в

Астрахани [14, т. 2, с. 594 (№ 7), 595 (№ 11–14)]. Отсюда очевидно, что именно в их возможных потомках и ближних родственниках естественно предполагать зачинателей истории двух смоленских (“российских”) отраслей рода, тем более что опубликованная Руммелем и Голубцовым роспись Храповицких не содержит никаких упоминаний о потомках Юрия и Доминика; известен, впрочем, еще один Храповицкий, причастность которого к “смоленским” носителям родового имени выглядит вполне вероятной: некто Феофил, двоюродный брат почивших в Астрахани сыновей Христофора, мать которого, между прочим, происходила из той же шляхетной смоленской фамилии Ловейко, с представителем коей, – но уже во второй половине XVIII в. – сочеталась браком одна из никитинских Маменсов [14, т. 2, с. 595 (№ 15), 594 (№ 8)]. Единственный известный сын Феофила Дадибог, согласно Руммелю и Голубцову, в 1681–1692 гг. – “по принятии православия” – значился “государевым стольником”, вот только потомков он, как будто бы, не оставил [14, т. 2, с. 596 (№ 30), 595 (№ 15)].

Поскольку упоминаемый в хранящихся в РГАДА и датированных 1680 годом “Списках именных Смоленской, Бельской и Рословской шляхты полков... приехавших на государеву службу в Большой полк боярина князя Василья Голицына...” дед супруги гетманича Петра Даниловича Апостола, Михаил Андреевич Храповицкий, в также РГАДА принадлежащих списках шляхетных “смолян” 1700-го и 1704 гг. (а именно, в относящемся к 1700 г. “Разборному списку Смоленской шляхте и рейтарам и о высылке их Великого Государя на службу...” и в датированном 1704 годом “Именном списке... смоленской шляхте рейтарам и драгунам высланным на службу Великого Государя...”) не фигурирует, резонно заключить, что к 1700 году Михаил Андреевич пребывал уже в возрасте, не совместимом с несением “государевой службы”; добавим, что, по Руммелю и Голубцову, “стольником и ротмистром в полку Смоленской шляхты” он значился в 1680–1692 гг., а скончался в 1710-м [11, л. 3; 9–10; 14, т. 2, с. 601 (№ 3)]. При этом, коль скоро сын его Демьян Михайлович не упоминается в “Списках именных Смоленской, Бельской и Рословской шляхты полков...”, датированных 1680 годом, но отмечен (в качестве “*стольника*”) в списке 1700 г. и в списке 1704-го (как “*стольник и хоронжей*”), – есть основания резюмировать, что он не мог родиться ранее 1665 года и позднее 1684-го, иными словами, что рождение его следует относить к периоду между 1665–1684 гг. [12–13; 14, т. 2, с. 601 (№ 3)]. В свою очередь, поскольку младшим из двух сыновей Леонтия Храповицкого был в действительности не Петр Леонтьевич (как полагали Руммель и Голубцов), а Иван Леонтьевич (ибо в списке 1700 г. “*Иван Леонтьев сын Храповицкой*” фигурирует среди “*шляхецких детей недросрелей котстрые с шляхтою в статьи не верстаны*”, тогда как его брат Петр здесь же упомянут среди отнесенных к “*шляхте 1 статьи*”) – Иван Леонтьевич, в качестве “официального” недоросля в 1700-м, родиться прежде

¹ При цитировании здесь и во всех иных случаях сохраняются орфография, пунктуация и стилистика оригинала. – С.Е.

1684/85 гг., несомненно, не мог, – а, следовательно, и его старший брат Петр (отец “никитинского” Гавриила Храповицкого) родился также не позднее, по крайней мере, 1683/84 гг. [14, т. 2, с. 606 (№ 2, 3); 12, л. 11, 10 об., 9 об.]. При этом, – учитывая, что в списке 1680 г. Петр Леонтьевич не фигурирует, – не мог он родиться (подобно Демьяну Михайловичу) и до 1665 года [11]. Иначе говоря, рождение Петра Леонтьевича Храповицкого следует также отнести к периоду между 1665–1684 гг. В то же время, поскольку младший отпрыск Леонтия Храповицкого к 1704 году оказывается уже сопричисленным к “1 статье”, резонно утверждать, что родился он не позднее 1688-го [13, л. 12]. То есть, его рождение должно было прийтись на период между 1685–1688 гг. (отсюда и старший его сын Василий Иванович мог родиться не ранее 1705–1708 гг., а жениться – лишь с началом 1725-го) [11; 14, т. 2, с. 606 (№ 2), 606–607 (№ 4)].

Возвращаясь к скончавшему свой век в Ярославле Христофору Храповицкому, отметим, что его старший отпрыск Иван-Антоний (в польской версии – Ян-Антоний) в свое время состоял, между прочим, “комиссаром для переговоров о вечном мире с Россией (1683)” и был одним из тех, кто в итоге переговорного процесса “подписал [в 1686 г.] мирный договор” [14, т. 2, с. 595 (№ 11)]. Он известен, к слову, еще и как автор “Записок о своей жизни” [32]. У Руммеля и Голубцова среди всех представителей польской ветви Храповицких именно он, Иван (Ян)-Антоний, первым обнаруживает (и еще до своего участия в переговорах) непосредственную связь со Смоленском – как “хорунжий, а затем подкоморий смоленский”; при этом никто иной из Храповицких, принадлежавших к одному с ним поколению, подобной связью, как будто бы, не отмечен [14, т. 2, с. 595 (№ 9–19)].

Причем и в следующем поколении польских Храповицких со Смоленской землей оказывается соотносенным опять-таки сын Ивана-Антония – числившийся в 1701 г. “каштеляном смоленским” Франц-Христофор [14, т. 2, с. 596 (№ 25), 595 (№ 11)]. И только в поколении внуков Яна-Антония, наряду с его прямым потомком Антоном, “подкоморием смоленским”, Смоленску был служебно сопричастен еще и не являвшийся прямым наследником Ивана (Яна)-Антония иной представитель “польских” Храповицких – тот двоюродный его внук и брат стропливой Христины, что в 1740-м и именно символически (ибо никакой властью над Смоленском польская корона в эту пору заведомо не обладала) числился “стольником смоленским” [14, т. 2, с. 597 (№ 41), 596 (№ 23, 27), 595 (№ 10, 11), 594 (№ 6, 7)]. Симптоматично избирался “послом Смоленского воеводства (тоже номинально. – С.Е.) на сейм 1775” праправнук Яна-Антония, сын Николая-Саввы Храповицкого Антон [14, т. 2, с. 599 (№ 63), 598 (№ 52), 597 (№ 43), 596 (№ 27), 595 (№ 11)]. Как видим, связь Яна-Антония со Смоленщиной прозрачна и в новых доказательствах, думается, не нуждается. Все же отметим, что “в числе документов, находящихся в деле о дворянстве семьи Пржисецких, в XVII в. владевших имениями в Смоленском воеводстве”, по словам автора электронной публикации, “сохранился

документ, выданный 19 марта 1668 г. смоленским хорунжим (главой шляхтского ополчения этого воеводства) Яном Антонием Храповицким. Документ [этот] скреплен печатью с надписью по-польски „Печать воеводства смоленского“” [35].

Известно, что незадолго до Витебска (сдача которого войскам Алексея Михайловича повлекла за собой пленение ближайших родственников Яна-Антония) и тоже “в 1654 году... был взят русскими войсками” Смоленск [34]. Электронная версия любопытного документа, датированного 9 июня 1654 года и именуемого “Список и[х] м[илости] панов обывателей, воеводства Смоленского, находящихся в осаде в Смоленске от царя Алексея Михайловича и войска его, при Я[сно] В[ельможной] М[илости] п[ане] Филиппе Казимере Обуховиче, воеводе Смоленском”, наглядно свидетельствует: в 1654 г. “хорунжием” смоленским состоял именно “наш” Ян-Антоний (“Ян Храповицкий”) [29]. Некий И.И. Орловский, автор публикации “Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году” (Смоленск, 1905), известной нам по электронной копии, повествуя о событиях, предшествовавших сдаче Смоленска, писал: “Наиболее богатые шляхтичи, получавшие со своих Смоленских маестностей по несколько десятков тысяч доходу, поспешили уехать на запад, оставивши для борьбы с неприятелем незначительное количество своих слуг. Сам хорунжий Смоленский, Ян Храповицкий, обязанный по закону оставаться во время осады в крепости и поднять там поветовое знамя, ничего этого не сделавши, не составивши списков обывателей и защитников города, бросил в своем доме знамя и уехал в Варшаву под тем предлогом, что ему, как депутату, необходимо явиться на сейм” [8]. Порицает Яна-Антония и иной историк: “...Некоторые представители новой смоленской шляхты, включая хорунжего Смоленского, Яна Храповицкого, просто сбежали из города, для защиты которого они получали доходы со своих поместий” [9]. Далее обратим внимание на перекликающийся с легендой о первом смоленском Храповицком пассаж из книги краеведа и журналиста А.В. Лапиковой “Дворянские гнезда Смоленщины” (Смоленск, 2010)², посвященный имению Коцино, что располагалось примерно в “22 километрах на юг от Смоленска по Рославльскому шоссе” и в далеком прошлом принадлежало “помещику Владимиру Степановичу Храповицкому” – внуку тому племяннику жены Петра Даниловича Апостола: “Основателем известного на Смоленщине рода Храповицких был некий Ян, член польского сейма, служивший под началом польского короля. Именно он должен был возглавить оборону Смоленска от войск царя Алексея Михайловича, подошедших летом 1654 года к городу и осадивших его. Ян Храповицкий же предпочел бежать в Варшаву, не озаботясь возложенной на него задачей. Как известно, русский царь после присоединения смоленских земель в состав Московского государства не проводил репрессивной политики в отношении польской шляхты, осевшей на Смоленщине.

² Нам известной – как и многие иные источники, использовавшиеся при написании этой статьи, – по электронной версии.

Скорее, наоборот, пытаясь заручиться ее поддержкой (от чего зависела безопасность западных границ государства), даровал ей многие привилегии. Этим обстоятельством воспользовался сын упомянутого Яна Храповицкого – Андрей, который вернулся в Россию, принял православие и унаследовал отцовские владения. Его внук Юрий Храповицкий (то есть родной брат жены Петра Даниловича Апостола, в 1734 году навещавший сестру в Малороссии. – С.Е.), полковник смоленского шляхетского полка, участник крымских походов, русско-турецких войн, свободное время проводил в родовом имении Кошино” [14, т. 2, с. 603 (№ 28, 14), 602 (№ 6, 4); 9]. Сливаясь, сообщаемое легендой, повествования об обстоятельствах осады Смоленска в 1654-м и краеведческий пассаж о Кошино, – поощряют резюмировать, что “старшие” смоленские Храповицкие – кровные потомки “польских” и непосредственно Яна-Антония Храповицкого. Правда, опубликованное Лапиковой несколько противоречит родословной Храповицких Руммеля и Голубцова, но мы уже имели повод заметить, что эта родословная не во всем точна.

Кстати, радикальным образом ошибочна и заявленная в ней дата кончины Ивана Леонтьевича Храповицкого, ибо в качестве таковой у Руммеля и Голубцова фигурирует год 1710-й, из чего должно следовать, что никто из потомков Ивана не мог родиться позднее 1710/11 гг., меж тем как сами же Руммель и Голубцов относят рождение младших Ивановых сыновей – Дмитрия и Ивана Ивановичей – соответственно к 1728-му и 1736 гг. ... [14, т. 2, с. 606 (№ 2), 607 (№ 9, 10)] (Беспорную ошибочность свидетельства о кончине Ивана Леонтьевича в 1710-м обличает и тот факт, что даты рождения его внуков, сыновей Дмитрия и Ивана, указываемые Руммелем и Голубцовым, локализируются периодом от 1761 до 1782 гг. [14, т. 2, с. 606 (№ 2), 607 (№ 9, 10), 608 (№ 31–35)]. Что же касается протистояния маститых генеалогов позапрошлого столетия и автора “Дворянских гнезд Смоленщины”, – выражается оно в том, что, если Лапикова не искажает исторических реалий, прадеду жены Петра Апостола надлежало бы именоваться Андреем Ивановичем (или Яновичем), тогда как у Руммеля и Голубцова он фигурирует в качестве *Андрея Яковлевича* [9; 14, т. 2, с. 601 (№ 1, 2)]. Полагая генеалогическую “реконструкцию” Лапиковой по этому пункту более реалистичной, нежели предложенная Руммелем и Голубцовым, жену Петра Даниловича Апостола должны будем рассматривать как кровную правнучку Ивана (Яна)-Антония Храповицкого.

В этом случае Христина Храповицкая, прогневавшая отца нежелательным брачным союзом с Проневским, оказывается прадеду жены Петра Даниловича Апостола двоюродной племянницей, а деду супруги гетманича (Михаилу Андреевичу Храповицкому) – четвероюродной сестрой [см. и ср.: 14, т. 2, с. 601 (№ 2, 3), 602 (№ 4), 597, 596 (№ 23), 595 (№ 10, 11), 594 (№ 6, 7, 3)]. Она же, Христина Храповицкая-Проневская, готова предстать, в конце концов, и четвероюродной бабкой дочери Дементия Храповицкого – жены Петра

Даниловича Апостола³. Несомненно, родство отдаленное, но, тем не менее, вполне реальное. Здесь же отметим тот красноречивый факт, что – несмотря на отсутствие у Руммеля и Голубцова каких-либо ссылок на связь отца Христины Храповицкой-Проневской со Смоленском – именно родитель последней (*Антон Дунилович-Храповицкий*) может быть идентифицирован в качестве Антония Храповицкого, о котором упоминает маститый польский генеалог К. Несецкий как о *каштеляне смоленском в 1697 году* и вероятном – в статусе “*подкамсрия Смоленского*” – после (по предположению Несецкого же) на “Сейм Варшавский” [14, т. 2, с. 596 (№ 23), 597; 18, s. 295⁴]. Допущение “смоленских” связей А. Дуниловича-Храповицкого облегчается тем, что именно его сын и, следовательно, родной брат Христины, Иван (*Иван младший*) числился в 1740 г. стольником смоленским (польским, юрисдикции российского монарха не подведомственным) [14, т. 2, с. 597 (№ 41)].

Что до погребенной в московском “Новодевичьем монастыре, под собором”, *Прасковьи Федоровны Юшковой, урожденной Колычевой (1732–1784)*, – поскольку выйти за некоего Юшкова ранее 1747 года она (учитывая дату ее рождения) вряд ли “успевала” (хотя в России той поры и разрешались весьма ранние браки), – супруга ее априори резонно предполагать в некоем Юшкове, родившемся не позднее 1727-го, а это служит основанием для вывода, что искомым Юшковым вполне мог бы оказаться родной племянник Марии Маменс-Никитиной, то есть сын А.Ф. Юшковой, урожденной Маменс, старшей сестры жены Ивана Никитина, – той самой Анны Федоровны Маменс, “камер-фрау и любимицы импер[атрицы] Анны Иоанновны, имевшей большое влияние при дворе”, что известна и как супруга Афанасия Никифоровича Юшкова, “подпоручика л.-гв. Преображенского полка (1704); [затем] подполковника (1731); [несколько позднее] полковника (8 апреля 1741)” [1, т. 3, с. 397; т. 2, с. 72; 14, т. 2, с. 759 (№ 139), 760 (№ 159)].

У Афанасия Никифоровича и Анны Федоровны было три сына – женатый на Протасовой Петр, Павел, чьей супругой была с 1745 г. Барятинская, и младший Иван Афанасьевич, в 1739 г. числившийся пажем и выпущенный “в военную службу” в 1748-м, биографические данные которого, в свете изложенного, вполне допускают, что именно он и был женат

³ Отметим, что определенным (косвенным) доказательством того, что супруга Петра Апостола была дочерью Дементия Михайловича Храповицкого, может служить, на наш взгляд, и запись, оставленная Я.А. Марковичем в его дневнике 17 октября 1728 года: “*Сегодня праздновали тезоименитого род[ителя] и обедали у нас с сестрою и [анек] Петровою Апостоловою*”: дело в том, что 17 октября у православных считается поминальным днем как святого Андрея Критского (в честь которого назван был отец Якова Марковича), так и святого Дамиана [10, [ч. 1], с. 56; 9, с. 258]. Меж тем Дамианом в малороссийской обыденности мог именоваться и Доментий (Доментян), и Демьян (он же Дементий); это подтверждает, например, тот факт, что известный генеалог украинского дворянства В.Л. Модзалевский представляет Д.И. Маковского сразу под тремя именами – Дементия, Демьяна и Доментяна [8, с. 292].

⁴ Перевод с польск. яз. наш. – С.Е.

на рожденной в октябре 1732 г. Прасковье Колычевой (поскольку умерший в январе 1774 года Петр Афанасьевич Юшков родился в 1720-м, – резонно заключить, что рождение приходившегося младшим братом и ему, и Павлу Юшкову Ивана Афанасьевича могло случиться не ранее 1722 г.) [14, т. 2, с. 760 (№ 157, 158, 159); 1, т. 3, с. 397]. Устранить последние сомнения в том, что Прасковья Колычева действительно бракосочеталась с племянником супруги Ивана Никитина позволяет тот факт, что располагавшимся близ Поярково на Клязьме “сельцом Лунево” (ныне Солнечногорский район Московской области) владела в XVIII в. среди прочих и “жена полковника Ивана Афанасьевича Юшкова, Прасковья Федоровна” [36; 30; 14, т. 2, с. 760 (№ 159), 761]. Сопоставляя найденное о Прасковье Колычевой-Юшковой, не упоминаемой в росписи колычевского рода из “Российской родословной книги” П. Долгорукова, с известным об обер-кригс-комиссаре Федоре Григорьевиче Колычеве, фигурирующем с членами собственного семейства в относящихся к 1755 году архивных “Исповедных ведомостях [московского] Никитского сорока”, резонно заключить, что обер-кригс-комиссар может идентифицироваться как Ф.Г. Колычев, долгоруковской росписью Колычевых упоминаемый под № 221 и имевший двоюродного брата Андрея Ивановича Колычева (№ 220-й); а это побуждает предположить в обер-кригс-комиссаре двоюродного дядю Анны Андреевны Колычевой, а в сыне последнего Ф.Ф. Колычеве (№ 234-м долгоруковской росписи) соответственно – ее троюродного брата; при этом из “Исповедных ведомостей Никитского сорока” явствует (если довериться компетентности их составителей), что обер-кригс-комиссар родился в 1697/98 гг., его жена Мария Ивановна – в 1709/10 гг., их сын Федор – в 1745/46 гг., брат Федора Николай – в 1747/48 гг. и, наконец, дочь Колычевых Александра – в 1739/40 гг., что, в свою очередь, делает реалистичным допущение о родившейся в 1732-м Прасковье Колычевой-Юшковой как вероятной старшей (и потому к 1755 г. уже замужней) еще одной дочери Марии Ивановны и Федора Григорьевича (что не противоречит датам рождения самих супругов и их детей, проживавших в 1755-м с родителями) [1, т. 3, с. 397; т. 2, с. 72; 15, л. 274–274 об.; 9, ч. 4, с. 142 (№ 221, 220, 234), 141 (№ 207, 206)]. Вместе с тем, учитывая, что нами не обнаружены какие-либо ссылки на прямое родство Колычевой-Юшковой с обер-кригс-комиссаром Ф.Г. Колычевым, вывод о том, что Прасковья доводилась последнему дочерью, необходимо квалифицировать как гипотетический.

Год рождения троюродной (но тоже гипотетически!) сестры Прасковьи Колычевой-Юшковой Анны Андреевны вполне преемственно определяется (если придерживаться логики), во-первых, тем, что, соответственно некоторым данным, около 1734 года она стала женой Алексея Степановича Глинки, а, во-вторых, тем, что ее сын от этого брака, Петр Алексеевич Глинка, родился в 1736-м [22; 26]. Иными словами, Анна Андреевна вполне могла бы родиться и между 1714–1718 гг. (а, учитывая дату рождения ее сына, нельзя также отнести ее собственное рождение и к периоду после

1720 года). Но в таком случае она претендует не только на статус дочери скончавшегося в 1731 г. подполковника Андрея Ивановича Колычева, а также троюродной сестры Прасковьи Колычевой-Юшковой, но и на идентификацию в качестве родной сестры Татьяны Андреевны Бутурлиной (1725–1786), урожденной Колычевой, прямое родство которой с А.И. Колычевым неамбивалентно свидетельствует некрополистика⁵ [см. и ср.: 1, т. 1, с. 151; т. 2, с. 72; 9, ч. 2, с. 160].

Впрочем, объективности ради, признаем: с прямой категоричностью ничто не препятствует, впрочем, и иным допущениям. Например, что Анна Андреевна могла быть дочерью стольника Андрея Михайловича Колычева, в составленной П. Долгоруковым родословной росписи Колычевых фигурирующего под № 199 и “проходящего” в датированных 1706–1710 гг. боярских списках (по иным данным, – упоминаемого в официальных документах 1703–1721 гг.) [см.: 48; 28; 9, ч. 4, с. 141 (№ 199)]. Показательным аргументом в защиту версии, полагающей в Анне Андреевне дочь подполковника А.И. Колычева, представляется следующее обстоятельство: последней супругой подполковника была И.Ф. Ляпунова (во 2-м браке Грекова), брат которой – генерал-майор Н.Ф. Ляпунов, женившись на Марии Дмитриевне Лобковой, фактически сделался зятем двоюродного племянника “никитинского” Гавриила Храповицкого Алексея Васильевича Храповицкого (старшего брата знаменитого екатерининского статс-секретаря), ибо первой женой Алексея Васильевича считается Елизавета Дмитриевна Лобкова [38; 14, т. 2, с. 607 (№ 11, 18, 19), 606, 607 (№ 4), 606 (№ 2, 3)]. Досадное “но” заключается в том, что нами еще не обнаружены жесткие доказательства прямого родства Марии Лобковой-Ляпуновой (к слову, героини печально-романтической истории, которую поведал читающей публике Д.Л. Мордовцев) и Елизаветы Лобковой-Храповицкой, хотя и отсутствие такого родства представляется маловероятным.

Принципиальная значимость ответа на вопрос, состояла ли в каком-либо родстве с Прасковьей Колычевой-Юшковой (де-факто женой племянника особы, на которой женился гофмалер Иван Никитин) Анна Андреевна Колычева-Глинка, определяется в первую очередь тем, что, согласно материалам “*rg.fond.ru*” (одного из фундаментальных электронных банков систематизированных генеалогических сведений), племянница (со стороны матери) женившегося на Анне Андреевне Алексея Степановича Глинки – некая Прасковья Степановна Краевская, дочь Степана Назарьевича Краевского (1670-е – сер. XVIII в.), женой коего стала родная сестра супруга Анны Колычевой Анна Степановна Глинка, – в финальной части образуемой этой последовательностью имен генеалогической прогрессии предстает перед нами как законная супру-

⁵ Высока вероятность того, что именно о девере Татьяны Колычевой-Бутурлиной по-приятельски упоминал в своем дневнике – в записи, сделанной в Москве 9 октября 1728 года, – Я.А. Маркович, свидетельствуя, что его (автора дневника) “тезоимениство” в тот день на обеде, по сему случаю устроенном, “отправляли”, наряду с прочими гостями, и “Николай Бутурлин з женою”... [9, с. 256; 3, ч. 2, с. 159–160 (№ 169), 160 (№ 171)]

га никитинского Гавриила Храповицкого... [39–41]⁶ А, следовательно, не исключается, – как это явствует из сказанного об Анне Колычевой-Глинке и Прасковье Колычевой-Юшковой, – что благодаря им обем, равно как и своей жене Прасковье Краевской, – Гавриил Петрович Храповицкий был не только близко и достаточно продолжительно знаком с Иваном Никитиным, но и состоял с ним в официальном свойстве. Необходимо подчеркнуть, что, так как материалы “*rfond.ru*” (как и вся вообще открытая и общедоступная электронная информация), естественно, не подлежат использованию без предварительной скрупулезной верификации, для уточнения достоверности предпосланной Прасковье Степановне биографической справки нами отслеживались ее вероятные источники. И, как выясняется, сведения о жене Гавриила Петровича восходят к ныне здравствующим потомкам ее близких родственников. Иначе говоря, транслировались из поколения в поколение как часть фамильного “легендария”.

Но именно ли Прасковья Степановна Краевская была матерью сына и дочери Гавриила Петровича – Демьяна и Прасковьи (из которых, по данным того же виртуального хранилища генеалогической фактографии “*rfond.ru*”, последняя стала женой родившегося в 1740-х Юрия Степановича Друцкого-Соколинского), – это еще необходимо уточнять [26; 14, с. 608 (№ 36)]. Дело в том, что, – как намекает прошедший электронную публикацию (и благодаря ей доступный автору этих строк) указатель имен, сопровождающий 2-й выпуск “Материалов к родословию смоленского дворянства” Д.П. Шпиленко (М., 2009)⁷, их составитель (если нет роковой ошибки в нашей интерпретации фактов, исходящей из сопоставления страничных номеров, представленных в указателе) – супругой Гавриила Петровича Храповицкого как будто бы предполагает некую Христину Григорьевну, урожденную Богданович [37]. Анализ и своего рода расшифровка⁸ именного указателя к книге Шпиленко позволяют заключить, что у петербургского исследователя соотносимая им с “никитинским” Гавриилом Храповицким Христина Богданович фигурирует также и как жена (в более раннем или, напротив, более позднем ее бра-

ке) Михаила Петровича Красно-Милашевича либо же вероятного племянника последнего Ивана Ивановича Красно-Милашевича [37; 17, с. 544]⁹. Сказать нечто более определенное не позволяет ограниченность известной нам информации, но, в любом случае, ничто, по-видимому, не противоречит допущению, что “никитинский” Гавриил Храповицкий вполне мог быть женат дважды. Это тем более допустимо, что генеалогический сайт (“*ru.rodovid*”), хранящий сведения о браке Гавриила Петровича Храповицкого и Прасковьи Степановны Краевской, ссылается лишь на одного ребенка данной супружеской четы – Прасковью Гавриловну Храповицкую, ставшую женой князя Юрия Степановича Друцкого-Соколинского, в 1740-х (а, точнее, между 1739–1750 гг.) родившегося (из чего можно заключить, кстати, что и жизнь будущей княгини Прасковьи началась не ранее 1740-х), меж тем как Руммель и Голубцов в своей родословной росписи Храповицких упоминают только о сыне (не называя, впрочем, и жены) Гавриила Петровича Демьяне, рожденном в 1737-м; а эту информационную “шерохова-

⁹ В первом случае – то есть если Христина Богданович действительно заявлена в “Материалах к родословию смоленского дворянства” как жена Михаила Красно-Милашевича – время ее рождения не без оснований может рассчитываться исходя из хронологических подробностей биографии дочери Михаила Петровича Дарьи, в замужестве Потемкиной; при этом, как сообщается несколькими концентрирующими генеалогическую информацию сайтами, случившаяся на 67-м году жизни кончина Дарьи Михайловны относится к 1780-му; и соответственное ее рождение в 1713/14 гг. свидетельствует, что и мать ее, несомненно, не могла бы родиться позднее конца 1690-х (конкретнее, не позднее 1696 г.) [37; 17, с. 141, 144; 23; 50; 49; 14, т. 2, с. 261 (№ 28), 263 (№ 48); 19; 31; 24]. Но, к сожалению, и эти биографические подробности не могут ответить на вопрос, была ли некая Христина Григорьевна Богданович супругой именно Михаила Петровича Красно-Милашевича. В ином случае – то есть если последняя в “Материалах к родословию смоленского дворянства” заявлена в действительности как жена Ивана Ивановича Красно-Милашевича, в котором почти без колебаний предполагаем племянника Михаила Красно-Милашевича, – Христина могла бы оказаться примерной ровесницей Екатерины Павловны Краевской и, соответственно, Прасковьи Краевской, на которой был женат Гавриил Петрович Храповицкий: поскольку Мария Ивановна Красно-Милашевич, также уверенно предполагаемая нами дочерью Ивана Ивановича Красно-Милашевича, стала супругой Федора Самойловича Тумило-Денисовича, – насколько можем судить, сына современника рубежа XVII–XVIII вв. Самойлы Тумило-Денисовича, женатого на Екатерине Павловне Краевской, двоюродной сестре супруги “никитинского” Гавриила Храповицкого и дочери Павла Назарьевича Краевского, а также племяннице тестя Гавриила Петровича Степана Назарьевича Краевского (1670-е – сер. XVIII в.) [14, т. 2, с. 263; 16, с. 144; 46–47; 25; 45; 39–41]. Соответственно получаем, что Гавриил Петрович Храповицкий в действительности мог быть женат (первым или вторым браком) и на некой Христине Григорьевне Богданович. Можно добавить, что родная сестра мужа Марии Ивановны Красно-Милашевич Марфа Самойловна Тумило-Денисович (с которой после смерти первой своей супруги, *Екатерины Антоновны Храповицкой*, бракосочетался Василий Данилович “старший” Верховский), родилась между 1720–1727 гг. [42–44]. Окажись упоминаемая у Д.П. Шпиленко Христина Григорьевна Богданович супругой Ивана Ивановича Красно-Милашевича, – дата ее рождения, полагаем, локализовалась бы в этом случае в пределах 1720–1730-х.

⁶ Также за одного из Краевских вышла Анна Ивановна Храповицкая – внучатая племянница той Храповицкой, супругом которой был гетманчик Петр Данилович Апостол [33].

⁷ К сожалению, собственно текстовая часть “Материалов к родословию смоленского дворянства” Д.П. Шпиленко нам по-прежнему недоступна. – С. Е.

⁸ Под расшифровкой подразумевается поиск совпадающих ссылок на страницы, общие для персонажей различных фамильных эпопей и содержащие те или иные упоминания о подразумеваемых лицах в книге Д.П. Шпиленко (естественно, что общность или соседство упоминаний – зачастую выступают признаком родственной либо хронологической сближенности фигурантов повествования, следующего реальной истории). Так, сопоставляя, в частности, страницы, согласно именованным указателям содержащие упоминания – совокупно в 1-м и 2-м выпусках “Материалов к родословию смоленского дворянства” – о Марии Кирилловне Яфимович, а также Иване Ивановиче, Михаиле Петровиче, Захаре, Данииле и Иване Андреевичах Красно-Милашевичах, можно заключить, что Мария Кирилловна и Захар Андреевич составляли супружескую пару.

тость” резонно трактовать как аргумент в пользу предположения о двух браках никитинского “приятеля” Гавриила Храповицкого [27; 14, т. 2, с. 608 (№ 36)].

Продолжение следует

Литература:

1. Вел. кн. Николай Михайлович. Московский некрополь: В 3 т. Т. 2. – СПб., 1908; Т. 3. – СПб., 1908.
2. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича. Ч. 2. – К., 1895.
3. Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 2. – СПб., 1855; Ч. 4. – СПб., 1857.
4. Клёнов Н. Величие и падение Смоленска. Очерк истории этнического самосознания Смоленской земли в контексте её политической истории // Золотой Лев. – № 249–250 (см.: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=44&article=2529>).
5. Лапикова А.В. Дворянские гнезда Смоленщины. – Смоленск, 2010 (см.: http://www.naslediesmolensk.ru/pkns/index.php?option=com_content&task=view&id=2732&Itemid=126).
6. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник: В 4 т. Т. 3. – К., 1912.
7. Молева Н.М. Иван Никитин. – М., 1972.
8. Орловский И.И. Смоленский поход Царя Алексея Михайловича в 1654 году. – Смоленск, 1905 (см.: <http://annales.info/rus/small/smlpohod.htm>).
9. Петров П.Н. Живописцы-пенсииеры Петра // Вестник изящных искусств. – 1883. – Вып. 2.
10. Полный месяцеслов всех празднуемых православною католическою восточною церковию святых, собранный из московских и киевских... – М., 1848.
11. РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1680 г. Столбец 8 (см.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Spisok_smolensk_sljachty_1680/text1.htm).
12. РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1700 г. Столбец 13 (см.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Spisok_smolensk_sljachty_1700/text.htm).
13. РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1704 г. Столбец 54 (см.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Spisok_smolensk_sljachty_1704/text.htm).
14. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. – СПб., 1887.
15. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 221 (Исповедные ведомости Никитского сорока. 1755 г. (см.: <http://www.vgd.ru/STORY/MOROZOV/morozov.htm>).
16. Шпиленко Д.П. Материалы к родословию смоленского дворянства. [Вып. 1]. – М., 2006.
17. Шпиленко Д.П. Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 2. – М., 2009.
18. Korona Polska przy złotej wolności Starożytnemi Wszystkich Kathedr, Prowincyi, y Ricerstwa Kleynotami Heroicznym Męstwem y odwagą. Naywyższemi Honorami... [Т. I, cz. 2.] – Lwow, 1728.
19. <http://baza.vgdru.com/1/66657/>
20. <http://forum.vgd.ru/post/792/36356/p944294.htm>
21. <http://khrapovitskaya.ru/moe-genealogicheskoe-drevo>
22. <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:321178>
23. <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:418474>
24. <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:418484>
25. <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:659853>
26. <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:660163>
27. <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:660164>
28. <http://rosгенеa.ru/?alf=11&page=12&serchcatal=%CA%EE%EB%FB%F7%E5%E2&radiobutton=4>
29. <http://smolbattle.ru/index.php?showtopic=5845>
30. <http://sobory.ru/article/?object=00502>
31. <http://sr.rodovid.org/wk/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE:ChartInventory/342257>
32. <http://www.brocgaus.ru/text/108/431.htm>
33. <http://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%B0-%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D1%8F/...6000000018069723522>
34. <http://www.gosch-de-bussi.narod.ru/history/>
35. http://www.heraldik.ru/books/statyi/smolensk_voevod.htm
36. <http://www.hrampoyarkovo.ru/istoriya>
37. http://www.knigirossii.ru/?menu=show_book&book=1606252 (Именной указатель к изд.: Шпиленко Д.П. Материалы к родословию... Вып. 2. – М., 2009).
38. <http://www.nuralis.ru/11827.htm>
39. <http://www.rgfond.ru/person/person.php?idp=100240>
40. <http://www.rgfond.ru/person/person.php?idp=101348>
41. <http://www.rgfond.ru/person/person.php?idp=101351>
42. <http://www.rgfond.ru/person/person.php?idp=116531>
43. <http://www.rgfond.ru/person/person.php?idp=116708>
44. <http://www.rgfond.ru/person/person.php?idp=116709>
45. <http://www.rgfond.ru/person/person.php?idp=121566>
46. <http://www.rgfond.ru/person/person.php?idp=121567>
47. <http://www.rgfond.ru/person/person.php?idp=121568>
48. http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=551
49. www.geni.com/people/Даниил-Андреевич-Красный-Милошевич/6000000018804283937
50. www.geni.com/people/Татьяна-Андреевна-Красная-Милошевич/6000000018803602580